

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 4 (360)

16-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, г. Broca, (Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Принем по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

26 Февраля 1936 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: «Bâtiment 11»

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: К покушению на Леона Блюма.

И. Г. О чем молчит Димитров.

Р. Абрамович. «А все-таки движется»...

П. Гарви. На повороте.

В. Александрова. 75-летие освобождения крестьян.

С. Шварц. Стахановское движение и охрана труда.

Заграницей: Заграничные социалисты о советском терроре.

Фельетон: Ф. Дан. Пути рабочего единства (окончание).

— Судьбы диктатуры в Эстонии. — Право убежища в Швеции. — Социализм в Индии. — Одураченные диктаторы (эпизоды нелегальной борьбы австрийских социал-демократов).

По России: Оживление комоппозиции. — Недовольство рабочей политикой. — Повышение норм выработки. — Сильное ухудшение положения служащих.

Почтовый ящик.

К покушению на Леона Блюма

13 февраля Леон Блюм подвергся нападению озверевшей фашистской банды. Призывы к убийству вождя Французской социалистической партии, изо дня в день безнаказанно раздававшиеся со столбцов монархической «Аксион Франсэз», возымели свое действие. 30 июля 1914 года такие-же призывы тех-же самых людей вдохновили убийцу, под пудами которого перестало биться великое сердце, перестала работать гениальная голова Жореса. 13 февраля под ударами «королевских молодчиков» должен был пасть преемник Жореса. Если бы не беспредельная преданность товарищей Моннэ, мужа и жены, своими телами прикрывавших Блюма от кровавой расправы, если бы не вмешательство нескольких самоотверженных людей и, особенно, работавших неподалеку трех строительных рабочих, французский социализм лишился бы в этот день своего благороднейшего борца, международного социализма — своего самого тонкого и интеллигентного ума. Блюм принадлежит к числу избранных представителей человечества, самым обликом своим свидетельствующих о величии того исторического дела, которому они отдают свои силы. Понятно, почему весть о покушении на него до глубины души взволновала всех борцов за дело рабочего класса не только во Франции, но во всем мире. Понятно, почему огромное чувство облегчения охватило весь международный мир труда, когда стало известно, что Блюм спасен, что жизни его, повидимому, не угрожает уже опасность, что убийцы на этот раз промахнулись, и почему не только

из всех, самых захолустных углов Франции, но, можно сказать, со всех концов земного шара к постели раненого фашистами вождя несутся пламенные приветы.

От имени всей российской социалдемократии, не только зарубежной части ее, но и той, которая борется в советском подполье и умирает медленной смертью в советской тюрьме и ссылке, мы присоединяем и свой голос к этому грандиозному хору приветствий. От имени российской социалдемократии мы выражаем свою великую радость тому, что рука убийц не сразила Блюма, но зато поставила на ноги всех сторонников социализма и свободы, подняла весь рабочий и свободлюбивый Париж, небывало-грандиозной демонстрацией показавший, какой несокрушимой стеной готовы встать потомки санкюлотов Великой Французской Революции и борцов Коммуны не только за сохранение свободы, но и за завершение той борьбы за равенство и братство, которая завещана им их героическими предками. От имени российской социалдемократии свидетельствуем мы о великом удовлетворении тем, что в этой стене стоят плечом к плечу политические партии и профессиональные союзы, пролетарии и представители тех слоев городской и сельской мелкой буржуазии, которые, сохраняя верность революционным традициям Франции, отделяют свое дело от дела капитализма и фашизма и вливаются в ряды «Народного Фронта». И больше всего радуется нас, что в том мощном движении протеста и отпора фашизму, знаменосцем которого стал Леон Блюм, с одинаковым энтузиазмом

участвуют пролетарские организации всех течений и направлений, что не только французские, но и иностранные коммунистические организации шлют свои приветия и пожелания вождю французского социализма.

Кровь главы французской секции Социалистического Интернационала пролита не даром: она скрепляет и закаляет волю пролетариата к единству и к беспощадной борьбе против фашизма и за социализм. Этим могут гордиться наши французские товарищи. Этим может гордиться весь Социалистический Интернационал. И больше всего может этим гордиться сам Леон Блюм, преданный и героический борец за рабочее дело.

О ЧЕМ МОЛЧИТ ДИМИТРОВ

По случаю покушения на Леона Блюма генеральный секретарь Коминтерна опубликовал в «Юманитэ» статью, в которой чувствует в лице Блюма «одного из самых крупных борцов Народного Фронта» и призывает рабочих всех стран к объединенной борьбе за свободу и социализм.

Мы с восторгом приветствовали бы это воззвание Димитрова, если бы его не портили некоторые, скажем... странно, существенно умаляющие его ценность. Странными кажутся нам в этом призыве к единству злобные выходки против социалистических партий. Странной — особенно в устах

человека, для освобождения которого из рук фашистских палачей столько сделал международный социализм — заглавная клевета, будто Социалистический Интернационал проходит мимо преследований, которым подвергаются в разных странах коммунисты. Но более, чем странным, представляется нам молчание Димитрова о кое-каких весьма важных вопросах.

Димитров очень подробно останавливается на борьбе, которую коммунисты вели и ведут за освобождение законных социалистов и за свободу деятельности социалистических организаций и в Испании, и в Германии, и в Австрии и во Франции, и во всех других странах. Но он забыл пояснить, как будут поступать коммунисты, если борьба увенчается успехом и если они во всех или части переломленных стран завоюют власть, подобно тому, как завоевали в Советском Союзе: будет ли эта «новая пролетарская демократия» (выражение Димитрова), по советскому образцу, точить «освобожденных» ею социалистов в тюрьмы и секы и загонять социалистические организации в глубочайшее подполье?

Думается, что, воздержавшись от злобных выходок и приветия и провозгласив право социализма и социалистов на свободу и там, где господствует коммунизм, генеральный секретарь Коминтерна гораздо лучше послужил бы делу объединенной борьбы рабочего класса против фашизма и за социализм, символом которой отныне еще больше, чем раньше будет имя чествуемого им Леона Блюма.

И. Г.

„А все-таки движется“ ...

Блестящая победа Народного фронта в Испании является самым крупным международным событием на фоне пролетарской общественности. Полтора года тому назад, в октябре 1934 г., дело испанской революции и испанской демократии казалось безвозвратно проигранным. Реакция наступала, героическая попытка части пролетариата защитить завоевания революции путем восстания окончилась кровавым поражением. Выборы, проведенные на основании крайне замысловатого, полного коварных неожиданностей избирательного закона, дали торжество правым. Реакционеры всех мастей, монархисты, клерикалы, фашисты, феодалы праздновали свою победу и метали жребий о ризах испанской революции.

Испанское поражение, последовавшее всего через полгода после поражения венских рабочих, аналогичным образом пытавшихся с оружием в руках защитить республику против наступления фашизма, в крайней степени усилило то настроение тяжелой депрессии, которое господствовало в рабочем движении Европы за последние полтора-два года. Все большее распространение стали получать пессимистические теории о неизбежности победы фашизма во всех странах. Все сильнее росло неверие в силы демократии. Все чаще стали ставить крест над возможностями успешного сопротивления пролетариата наступающей реакции.

Но дальнейшее развитие показало, насколько все эти пессимистические предсказания были неосновательны, насколько судьба европейской демократии в конце концов зависит от правильной тактики пролетариата, от стратегического искусства рабочих партий, от их воли к власти, от правильного использования тех огромных резервов мощи, которые еще таятся в европейской демократии.

Единый фронт обеих рабочих партий во Франции, проведенный в жизнь приблизительно к тому времени, когда испанская революция потерпела свое наиболее яркое поражение, преградил своим сопротивлением дорогу наступлению реакции во Франции. Отказ французских коммунистов от губительной тактики, немало способствовавшей победе гитлеризма в Германии, гибкость, проявленная французскими социалистами — все

эти элементы успешной пролетарской стратегии не только приостановили развитие фашистской опасности во Франции, но и привели в известной степени к движению в обратную сторону. Доказательством этому является отставка правительства Лаваля и тот сдвиг во внутренней и внешней политике Французской республики, который так ярко проявляется в предшествующей ратификации франко-советского договора.

В Испании ключевые позиции пролетарской стратегии лежали не в руках коммунистов, как во Франции или в Германии, а в тех сотнях тысяч испанских пролетариев, которые традиционно примыкали к анархистскому движению и своим добровольным устранением от политическо-парламентской борьбы немало способствовали поражению испанской революции. Когда испанские реакционеры во главе с Роблесом готовили выйти победителями из нынешних выборов и занять основательной реставрацией монархии и феодальных отношений, — то их расчеты были построены главным образом на надежде, что рабочие массы Испании, верные традициям анархизма, останутся пассивными зрителями того поединка, который должен был разыграться на выборах между реакцией, представленной блоком всех капиталистических и дворянско-клерикальных партий, и «Народным Фронт», в который входили левые республиканцы, социалисты и немногочисленные в Испании коммунисты. Эта ставка реакции оказалась бестолковой. И побил ее здоровый инстинкт испанских пролетарских масс, который, вопреки анархистской доктрине, заставил их пойти вместе с организованным ядром пролетариата, участвовавшим в Народном Фронте. Сам собой разумеется, что притягательная сила Народного Фронта для анархистски настроенных рабочих была несравненно меньше, если-бы в Народном Фронте было осуществлено единство между всеми социалистическими течениями. Таким образом и в Испании правильная тактика коммунистов и социалистов, в соединении с правильной реакцией широких рабочих масс сумела преодолеть напор реакции. Оказалось, что победа контр-революции в Испании отнюдь не была потеряна; оказалось, что сопротивление республикански настроенного населения не было сломлено, несмотря

поражение восстания; оказалось, что даже поражение, понесенное в открытом бою с оружием в руках, не в себе залог скорейшего восстановления боееспособности пролетариата.

И вот мы присутствуем в Испании при картине, напоминающей первую пору испанской революции: возмужденный победой, упоенный своим торжеством революционный народ на улицах испанских городов; отступающие в смятении, приведенные в замешательство неожиданным поражением силы реакции. Еле уцелевший от ареста и суда эмигрант Асанья образует новое республиканское правительство; с трудом вырванный из рук палачей Ларго Кабальеро и лидер социалистов большинства Бестейро являются вождями парламентского большинства; вождь роялистов и фашистов, кандидат в испанской Гитлеры, Хиль Роблес выезжает в отпуск, а на испанской границе, во Франции и в Гибралтаре, скопляются сотни «собственных автомобилей», увозящих за пределы Испании банкиров, аристократов и реакционных генералов.

Правительство Асаньи носит пока временный и переходный характер: оно имеет своей задачей осуществить ряд чисто-политических мероприятий, укрепляющих республиканский режим и делающих невозможными новые контр-революционные попытки. Но само по себе разумеется, что одним проведением административных реформ отнюдь не исчерпываются задачи вновь вернувшего себе власть революционного блока.

Блок этот, выставивший на выборах 310 кандидатов, в которых до сих пор окончательно избраны 252, был оставлен на основе следующей пропорции: 170 кандидатов принадлежали к буржуазно-республиканским группировкам, 140 — к пролетарским. Из последних — 124 социалиста, 14 коммунистов и 2 синдикалиста. Правда, по отдельным округам эта пропорция сильно менялась: в Мадриде, напр., из 13 кандидатов Народного Фронта было 7 социалистов и 1 коммунист. Но в

КОМПЛЕКТЫ „СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ВЕСТНИКА“ за 1935 год

В ПЕРЕПЛЕТЕ Цена 100 фр.

Библиотекам и членам групп содействия предоставляется скидка в 25 процентов В небольшом количестве имеются и комплекты за 1932, 1933 и 1934 г.г., по цене 100 фр. за том

общем и целом блок состоялся на признании буржуазного большинства как в будущем республиканском правительстве, так и, естественно, в будущем правительстве, которое будет создано этим парламентом. Отсюда ясна и программа Народного Фронта: амнистия, восстановление демократических свобод, административные и судебные реформы, уменьшение налогов, аграрный кредит, борьба против безработицы, установление минимума заработной платы и т. д. — обширная сумма реформ, ни в какой мере однако не выходящая за пределы классической буржуазной демократии. Окажется-ли подобная программа, в особенности в области крестьянского вопроса, достаточным базисом для построения прочного республиканского строя? Окажется-ли нынешнее правительство Асаньи, в котором не участвуют ни коммунисты, ни социалисты, в силах провести даже относительно скромную программу Народного Фронта? Вот вопросы, от которых зависит дальнейшая судьба испанской революции и испанской демократии.

Испанская революция еще не сказала своего последнего слова, и правительство Асаньи, вероятнее всего, является не последним, а еще только первым звеном

ПУТИ РАБОЧЕГО ЕДИНСТВА (Окончание)

Необходимость и возможность восстановления классового единства пролетариата создается возрастающими условиями новой эпохи общностью идейно-политических настроений недавно еще глубоко расколотых рабочих масс. Но для оформления этой общности на территории в прочный идейно-политический «сплав», способный цементировать возрождающееся единство, од нее должен быть подведен — и в этом, собственно, и состоит задача «вождей» — обобщающей теоретической фундамент.

Оставляя в стороне личные качества «вождей», можно сказать, что задача эта, в общем, легче разрешается там, где шквал событий прерывает преемственность развития организованного рабочего движения, ставит его в совершенно новые, небывалые для него условия, настоятельно требующие новой ориентировки, и передает руководство им в руки нового поколения «вождей», которые сами лишь в этих новых условиях начинают политически формироваться. Если какая опасность грозит, напр., нелегальному рабочему движению Австрии и Германии, то это скорее гипертрофия теоретирования, как следствие неизбежной на первых порах ограниченности тех «практических» задач, какие может ставить себе это движение.

Иначе дело обстоит там, где, как во Франции, движение к единству возникает, так сказать, «на ходу». Помимо всех традиций «старого дома», инерции непрерывающейся политической практики, воспитанного годами раскола взаимного недоверия и законной забо-

ты о том, чтобы, не обеспечив еще единства, не развалить собственной организации, — создание «сплава» неизбежно должно здесь в известной мере тормозиться идейно-политическим консерватизмом «вождей», политически сформировавшихся в совершенно иных условиях и с трудом приспособляющихся к условиям новым. Отвлекаясь от всех «маневренных» элементов в поведении коммунистических вождей, можно усмотреть в предложенной ими «хартии единства» несомненные элементы и такого консерватизма. Но их нельзя не усмотреть и в первоначальном предложении наших товарищей — сделать идейно-политическим фундаментом объединенной партии «хартию единства 1905 года». Конечно, общие формулы хартии и сейчас сохраняют свою силу. Но они не могут дать ответа на основные вопросы современного рабочего движения: развитие этого движения, в его социалистической и в его большевистской форме, слишком наглядно показало, какое различное и даже прямо противоположное содержание может быть вложено в эти общие формулы в условиях нашей эпохи, столь отличной от эпохи, когда писалась хартия 1905 года. Принятие этой хартии в качестве идейно-политической основы единства означало бы поэтому не «синтетическое», соответствующее новым условиям разрешение основных проблем современного рабочего движения, а попытку обойти эти проблемы, уклониться от их разрешения.

Но тот-же самый консерватизм тормозит дело единства и в международном масштабе. Говорить в

новой полосы развития. Перед нашими испанскими товарищами, проявившими, при всех своих ошибках, огромную революционную энергию и волю, не раз встанет еще в ходе событий вопрос о власти, а следовательно и о той или другой форме участия в правительстве: ведь и «толерирование» правительства Асаньи, усвоенное сейчас и коммунистами и социалистами, означает ответственность за него, но только без возможности прямого воздействия, т. е. фактически является коалицией, со всеми ее отрицательными сторонами, но без положительных.

Но каковы бы ни были дальнейшие перспективы испанского развития, победа 16-го февраля, показавшая на опыте, что объединенной и мужественной борьбой пролетарских сил, умело «смыкающихся» с широкими народными массами, можно преодолеть наступление реакции, окажет огромное бодрящее влияние на политическое развитие в Европе. Фашизму еще рано праздновать победу. Социализм и демократия еще живы и способны к отпору. Мир «все же движется»...

Р. Абрамович.

На повороте

Еще неясен окончательный узор того ковра, что ткется из разноцветных нитей последних мероприятий советской власти. Едва ли вдохновитель этих мероприятий и сам знает, куда они ведут и приведут страну советов. Как часто самонадеянные «демиурги истории» оказываются ее слепыми орудиями!

Но и независимо от намерений и предначертаний советского вседержителя, а скорее всего в разрез с ними, мероприятия последнего времени, несмотря на кажущуюся их пестроту и отдельность, имеют какую-то внутреннюю связь между собой, складываются в какой-то особый стиль эпохи, знаменуют собой какую-

этой связи о Коминтерне вообще не приходится: здесь теория давно уже стала простой служанкой политики, и «теоретическая мысль» превратилась в софистику, в искусство подбирать цитаты из писаний Маркса, Ленина, а в последнее время преимущественно Сталина для адвокатской защиты любого политического зигзага. Этим и объясняется легкость, с какою вожди Коминтерна проделывают самые головокружительные тактические повороты и перевороты, не чувствуя при этом никакой потребности привести их в связь со своим вчерашним и своим завтрашним днем и подвергнуть «самокритике» самые основы большевистского мирозерцания. Но, в силу идейно-политической инерции, большинство партий и Социалистического Интернационала оказываются пока неспособными понять историческое значение зарождающегося движения к единству: вместо того, чтобы взять в свои руки инициативу и возглавить это движение уже в начальной стадии его, они скорее склонны тормозить его и там, где местные и национальные условия придают ему особо широкий размах.

Но, если идейно-политический консерватизм оказывается громадной тормозящей силой в обеих частях расколотого пролетарского движения, то нельзя все-же не видеть, что организационные основы Социалистического Интернационала и входящих в него партий, где мысль не скована декретируемыми сверху догматами, более благоприятны для хотя бы чисто теоретического осмысления и постановки проблемы «сплава». Мы видели, что эту проблему ставит Блюм. Из рядов французской

то поворотную веху. То идеологическая, юридическая и политическая «надстройка» приспосаблиется социально-экономическому «базису» на завершающем этапе генеральной линии.

Для мероприятий власти в области «надстройки» характерно прежде всего отталкивание от «левацких гибов», от экспериментаторского черезчур первичных «героических» лет генеральной линии, от перекрашенного «классовизма». В сущности, перед нами отталкивание от собственного вчерашнего дня. К каким новым берегам?

Отталкивание от левацких заскоков сказывается в большом и малом, но решительно во всех областях советской жизни. «Устроившиеся революционеры» сплошь и торопятся вновь обрести утраченную «меру вещей» и застраховать свою веселую и зажиточную жизнь осточертевшего «безумства храбрых». Примеров сколько угодно! Вот в «Правде» от 3-го февраля жесточайшей критике подвергаются «архитектурные уроды», настроенные в Свердловске молодыми архитекторами новаторами «мнимо-пролетарского стиля». Вот в той же «Правде» от 27-го января сурово клеймится «левацкое искусство», «игра в заумные вещи», «левацкий стиль бур вместо естественной человеческой музыки», и «вещание советских композиторов торопится вбить о новый кол в могилу «левацкого трюкачества». В «Правде» от 6-го февраля обличается «балетная фальшь левацких постановщиков. Та же расправа с левацкими загибами на совещании о детской книге. Все это — стности, конечно, но в них, как солнце в малой капле вод, отражается новый «стиль эпохи», сталинский «лепир», развенчивающий, как бунтарское, а в сущности контр-революционное «мещанство», вчерашние деревни по заказу Кремля. И задорный марш не ко времени реабилитированного Маяковского: «Левой! Левой! Левой!» начинает в солидно-замедленном темпе звучать: «Правой! Правой! Правой!»...

социалистической партии вышла и инициатива для этой проблеме практическое осуществление: такой попыткой была «платформа соглашения и синтеза», опубликованная 21 ноября 1935 г. в «Попюлер».

Но, как ни удачны были в общем «синтетические» формулы этой платформы, главным автором которой был Жиромский, все-же то были лишь те самые общепринятые формулы, недостаточность которых уже отмечена выше. Конечно, конкретное содержание, которым эти формулы должны быть наполнены, служило предметом оживленной дискуссии между вождями договаривавшихся партий в комиссии координации, в комиссии единения и прочих органах межпартийного контакта. Но за закрытые двери всех этих комиссий дискуссии социалистами не выносились. Ни на столбах центрального органа французской социалистической партии, в информационных докладах, делаемых членам партии, ни тем более на массовых рабочих собраниях она не получила сколько-нибудь полного отражения.

Такая «линия поведения», как объяснил Блюм (выше), диктовалась социалистам их искренним желанием создать, прежде всего, «атмосферу» единства и к тому по возможности избегать не только резкой публичной полемики, но и публичной дискуссии вообще. Самое желание это, разумеется, вполне понятно и конечно. Можно лишь — особенно после опыта французского же профдвижения — сомневаться, являлось ли уклонение от публичной трактовки основных проблем движения — конечно, трактовки, по возможности не «полемиической», а товарищеской, но серьезной, наилучшим путем к созданию «атмосферы», способствующей благополучному доведению дела единства

Но это отталкивание от собственного вчерашнего дня идет глубже и дальше высокой сферы искусства. Реформа школы, искалеченной опытно - показательным прожектерством, развивается все в том же направлении: поворот к грамоте, к орфографии, к русскому языку вместо комсомольского жаргона; освобождение школьников от «общественной нагрузки» и школьных учебников от перегрузки м н и м о - марксистской схоластики; восстановление школьной дисциплины и поднятие авторитета педагогического персонала. Идет перестройка всей работы комсомола и пионерских организаций, которым партия «вверила воспитание молодежи». Передовица «Правды» от 7-го февраля с горячностью протестует против того, что комсомол «все еще чрезмерно увлекается различными походами и парадными», игнорируя учебно-воспитательные задачи школы, пионерские организации, забывая, что они «организации самих детей», навязывают последний «несвойственный детскому возрасту» обязанности и задачи.

Не простое отталкивание от левачьих перегибов, а существенную сдвину общего достояния большевизма на всем протяжении его господства представляют собой два мероприятия: 1) отказ от приема в нисшие, средние и высшие учебные заведения по признаку «социального происхождения» и 2) упразднение Коммунистической Академии и слияние ее с Академией Наук. Первое мероприятие ликвидирует одну из величайших несправедливостей, сохранившихся под видом пролетарских привилегий от эпохи гражданской войны. Мотив отмены — полная ликвидация эксплуататорских классов и переход к бесклассовому обществу. На деле эта мера продиктована более реалистичными мотивами: во-первых, желанием заполнить зияющую прореху кадров культурным человеческим материалом из семей «лишешцев»; во-вторых, желанием убрать, в виду угрозы войны, раздражающий и раз'единяющий момент гражданского неравенства, особенно чувствительно воспри-

нимаемый советским служилым сословием, которое многими родственными и бытовыми узами связано с обломками уничтоженных классов.

Упразднение Комакадемии, подобно закрытию «О-ва старых большевиков» и «О-ва политкаторжан», одной из своих целей несомненно имеет уничтожение еще одного гнезда возможной оппозиции из рядов самой правящей партии. Но это мероприятие лежит и по линии преодоления дуализма партии и государства, теряющего смысл по мере превращения рабоче-крестьянского двухклассового государства в «бесклассовое общество» и по мере вырождения партийной диктатуры в личное самодержавие Сталина. Кроме того, с упразднением Комакадемии, этой хранительницы коммунистических идей и традиций, исчезает еще один внешний признак партийно-классовой диктатуры, не созвучный эпохе «бесклассового общества», непосредственно возглавляемого «народным вождем». На деле постулат «бесклассового общества» является псевдонимом всесоюзной нации, историческое становление и оформление которой всемерно форсируется сейчас Сталиным под кнутом внешнеполитической необходимости. Убрать все, что мешает становлению и укреплению «советской нации», рожденной в грозах и бурях революции, такова повелительная задача дня. Другая, дополнительная, задача — привлечь все живые силы, все идеологические факторы, все исторические традиции, способные укрепить единство и мощь советской страны и устранить опасную рознь между населением и властью, не колебля, однако, устоев тоталитарной диктатуры.

*

Тема о «любви к отечеству и о народной гордости» не случайно зазвучала особенно сильно в последнее время. Вновь насаждаемый культ родины освещает и освещает особым светом все мероприятия последнего времени — от введения чинов и позументной

конца: в противоположность партии, свободные профсоюзы от гласного обсуждения спорных вопросов не отказывались, а между тем, позже начав работу над восстановлением единства, они раньше подходят к ее завершению.

Но, как бы то ни было, один громадный минус присущ избранному социалистической партией пути: он оставляет совершенно в стороне от совершаемой идейно - политической работы не только широкие рабочие массы, но и массу рядовых членов самой партии. Сосредоточивая всю эту работу в узком кругу «железной пяты», он ничего не делает для того, чтобы возникающий в ее процессе и теоретически обобщающий идейное брожение масс «сплав» стал осознанным и прочным достоянием массовой рабочей мысли, а вместе с тем и прочным идейным фундаментом возрождающегося единства: процесс формирования нового рабочего сознания, соответствующего новым историческим условиям классовой борьбы пролетариата, предоставляется на волю стихии. Но, так как в эту «стихию» входит и компартия, отнюдь не налагающая на себя тех ограничений, которые добровольно принимают социалисты, и подвергающая самой резкой критике все партии Социалистического Интернационала, в том числе нередко и французских «братьев», то неизбежно возникает опасение насчет слишком одностороннего состава будущего «сплава». Более того. Компартия получает при этом возможность выступать в роли единственной поборницы «рабочей демократии», между тем как социалисты попадают в положение людей, лишь величайшей неохотой соглашающихся на осведомление не то что широких масс, а рядовых членов партии

о том, что происходит в закрытых совещаниях «вождей», и обставляющих (как это только что сделал чрезвычайный съезд франц. соц. партии) целым рядом самых тщательных ограничений те «информационные» социалистическо - коммунистические собрания, на которые они все-же вынуждены были пойти. Вызываемое-же таким ходом кампании единства опасение, как бы восстановление единства и впрямь не свелось к простому поглощению социалистической партии большевизмом, рикошетом лишь укрепляет элементы идейно-политического консерватизма в рядах «патриотов» социализма и автоматически отбрасывает в ряды «противников единства» многих видных членов и строителей социалистической партии, не желающих славить «без боя» тех основных идейных позиций, которые отличают социализм от большевизма. А это внутреннее сопротивление, в свою очередь, ослабляет позиции социалистической партии в борьбе за единство, инициатором которой она сама была два года тому назад, по инициативе которой она, при таких условиях, вынуждена все больше выпускать из своих рук.

Не может быть, конечно, никакого сомнения в том, что сами наши французские товарищи хорошо видят все неудобства и опасности, вытекающие из принятой ими «линии поведения». Почему-же они так упорно держатся за эту линию и считают ее проведение безусловно необходимым для создания «атмосферы единства»?

Внимательному и сочувственному наблюдателю настойчивой борьбы французских товарищей за единство причина такого поведения бросается в глаза. Ей имя: Советский Союз.

бутафории в Красной Армии до пересмотра школьных учебников по истории. Историческая тайна сталинского национал-большевизма, облеченного в форму «строительства социализма в одной стране», постепенно раскрывается перед нами.

Было бы ошибочно в бурном разливе советского национализма видеть только результат нарочитых усилий власти, озабоченной массово-психологической подготовкой армии и всего населения Советского Союза к неизбежной и трудной войне. Советский патриотизм прет и снизу, особенно из рядов советской бюрократии и нового рабоче-колхозного сословия «знатных людей». В известном смысле национальная стихия принудительно навязывается правящей верхушке, пытающейся еще как-то «увязать» советский национализм с традиционным пролетарским интернационализмом. Советский патриотизм, все больше заглушающий традиционную классово-пролетарскую идеологию и фразеологию диктатуры, является тем политико-психологическим цементом, который легче всего может связать правящее сословие советских служилых людей с голозой перерождающейся диктатуры, с одной стороны, с распыленной толщей населения, из которой оно выделяется, с другой. Та эволюция советского общества и советской власти, которая совершается на почве стихийного социального перепластования, в обстановке возвышения и формирования нового правящего сословия и в атмосфере непреоборимой тяги «использователей революции» к укреплению своих «достижений», хотя бы за счет усиления социального неравенства в формально бесклассовом обществе, — эта эволюция, которую можно условно назвать развитием к бо на партизм, получает в культуре патриотизма и национальной гордости новый мощный стимул и новую идейно-психологическую основу. Как показатель начавшееся заигрывание с казалось навек поравненным казачеством!..

Дело в том, что, как уже сказано, за последнее двадцатилетие все общие формулы получили практическое осуществление, причем наиболее полно и всесторонне раскрылся действительный смысл большевистского истолкования их, так как только большевизму удалось овладеть всей полнотой власти в громадной стране и получить возможность применить на практике всю совокупность своих принципов. Никакое плодотворное обсуждение общих формул ныне уже невозможно без учета практического опыта последних десятилетий. И если выработка элементов необходимого идейно-политического «сплава» немыслима без критики — повторяем еще раз: не полемической и догматической, а серьезной, т. е. исторической критики — всей деятельности социалдемократии за военное и после-военное время, то еще менее возможна она без самой вдумчивой критики всего хода русской революции в ее большевистском обличьи, всей государственной деятельности большевистской диктатуры.

Конечно, при самом начале объединительной работы французские социалисты оговорили и неоднократно затем подтверждали, что сохраняют за собою полную свободу суждения о советской революции. И, как приходилось уже отмечать, именно в начальной стадии единства действий французской социалистической печати гораздо чаще доводилось касаться советских проблем, чем это имело место в предшествующие годы, когда по совершенно другим причинам, к борьбе за единство не имеющим отношения, эти проблемы почти исчезли с ее столбов. И однако, чем дальше, тем больше в самом ходе объединительной работы выяснялись обстоятельства, заставляющие французских това-

Власть явно заинтересована сейчас в развязывании стихии национализма в целях поднятия политического потенциала обороноспособности страны. Отсюда вытекающая для непосвященных возня правительства и партии вокруг истории и историков.

Октябрьская революция, воспринимавшаяся, как толчок мировой социальной революции, означала в сознании ее делателей и идеологов разрыв с исторической традицией. Сейчас национал-большевизм ищет в советской истории не одних только темных красок, чтобы резче оттенить «светлое настоящее», но и положительных, прогрессивных явлений, чтобы восстановить «рванную связь времен» и укрепить советский патриотизм в твердом грунте исторической преемственности.

«Винovníком этого дела» и тут является Сталин. В этом случае возведенный ученым лакеем Радекоранг величайшего историографа нашего времени. Однако, неожиданно страстный интерес Сталина к историографии носит отнюдь не научный, а чисто утилитарный характер. Ныне жестоко критикуемый присяжный большевистский историограф, проф. Покровский, определял историю как «политику, опрокинутую в прошлое». Сталин понимает историю как «сличную политику, опрокинутую в прошлое». Если до него казенные историки, путем фальсификации и замалчивания, превращали всю историю русского революционного движения в историю большевизма, теперь, под диктовку всевластного диктатора, история большевизма в свою очередь превращается в историю возвышения Сталина.

Но помимо этого личного и специального интереса Сталина к историографии, им руководит, бесспорно, более высокий государственный интерес к препарированию истории, особенно русской, на потребующий момент. Едва ли в истории других стран такой случай, когда правительство в полном составе

ришей с крайней сдержанностью относиться к главному обсуждению этих проблем. Эти обстоятельства давались как той объективной ролью, какую играет наша эпоха Советский Союз в судьбах международного рабочего движения, так и рядом субъективных моментов, возникающих в ходе объединительной работы

Русская революция, одна из грандиознейших революций человечества, протекает на грани двух эпох: завершающего свой цикл капитализма и рвущегося к воплощению социализма — и на грани двух мировых передового европейского и отсталого азиатского. Здесь определяются ее гигантские возможности и ее колоссальное значение для всего освободительного движения международного пролетариата. Именно наша революция всегда настаивала на том, что вопреки всем большевистским искажениям революции социалистический пролетариат и Советского Союза, и всех других стран мира не может и не должен упускать из виду эти возможности и это значение.

Разгром основной силы континентального социалистического движения — рабочих организаций Германии и Австрии — несомненно подорвал возможности социалистического завершения русской революции: и тем, что ослабил силу пролетарского возмущения на ее ход, и тем, что создал для Советского Союза фашистское окружение, являющееся для него посредственной военной угрозой и превращающее Советский Союз в военный лагерь. В прямой связи со всем этим стоит не только внешняя политика большевистской диктатуры, но и то направление, которое именно за последние 2-3 года приняли все внутренние процессы Р

занималось бы оценкой конспектов школьных учебников по истории. Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП от 26 января есть в своем роде исторический уникум. Оно содержит два пункта: во-первых, решение об образовании комиссии для просмотра, улучшения и переделки учебников по истории; во-вторых, решение опубликовать «замечания» Сталина, Кирова и Жданова о конспектах учебников по новой истории и по истории России.

Постановление партии и правительства продолжает ту же линию борьбы с «левацкими загибами» в области историографии. Сама по себе эта борьба с обязательным вчера социологическим схематизмом и мнимо-марксистским упрощением исторической школы Покровского явление столь же положительное, сколь и симптоматичное. Но гвоздь замечаний Сталина, апробированных партией и правительством, в его директивном указании: «Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история великороссии не отделялась от истории других народов СССР». Это правильное по существу указание немедленно было подхвачено советской прессой и советской «общественностью», став исходным пунктом широкой и шумной кампании с заданием распространить советский патриотизм на все народы Советского Союза, на всю советскую нацию, угрожаемую и на западе, и на востоке.

Но не успели замолкнуть восторженные комментарии к «эпохальному» историографическому указанию Сталина, как разыгрался трагикомический, но и знаменательный эпизод с полупрошенным бывшим главой бывшей правой оппозиции, ныне ответственным (перед Сталиным) редактором «Известий», Бухариным. В редакционной статье по случаю годовщины смерти Ленина не в меру усердный Бухарин, чтобы погуще оттенить переворот, совершенный Лениным и его преемником Сталиным в жизни и в психике русского народа, не пожалел мрачных красок для изображения велико-

русского народа в прошлом: «нация Обломовых», «азиатчина», «восточная лень», «безалаберщина». И вот за оскорбление величества великорусского народа на Бухарина обрушился центральный орган правящей партии. С цитатами из Ленина о «национальной гордости великороссов» и из Сталина о «русском революционном размахе», а также с ссылками на великих людей и великие деяния великорусского народа в прошлом, возмущенная «Правда» потребовала от Бухарина исправления его вредоносной гнилой концепции «в кратчайший срок и с необходимой четкостью», что перепуганный редактор «Известий» не замедлил сделать с поспешностью оплошавшего камердинера.

Но не этот жалкий эпизод сам по себе, а дальнейшее развитие в связи с ним все той же темы «о любви к отечеству и о народной гордости» показательны для водворяющегося в Советском Союзе «стиля эпохи», причудливо сочетающего «зажиточную и веселую жизнь» новых верхов с позваниванием новеньких лейтенантских шпор и «завершение социализма» с всесоюзным патриотизмом, в котором, однако, не должна заглушаться доминанта особого великорусского патриотизма.

По случаю очередной сессии ВЦИК-а РСФСР, этой «могущественной федерации», в передовицах «Правды» и «Известий» по неслучайному совпадению отмечается внешне-политическая опасность бухаринской «гнилой концепции» русской истории. В самом деле, если Россия и впрямь была «нацией Обломовых» и воплощением «азиатчины», если русская государственность создана немецкими выходцами, то не так уже беспочвенны вождения немецких фашистов, выставляющих свою кандидатуру на роль строителей великой российской равнины...

Так, через политику власть приходит к истории и через историю к политике. Национальная стихия, разбуженная опасностью войны и находящая себе опору в социальных сдвигах и в перерождении власти на из-

ской революции. Но исторический парадокс состоит в том, что как раз в то время, как в самом Союзе все больше дают себя знать тенденции развития, которые не могут не внушать величайшей тревоги и не вызывать решительного отпора со стороны всех социалистов, — как раз в это время необычайно усиливается чисто объективное значение Советского Союза для международного-пролетарского движения. Растет его притягательная и геологическая сила, как единственной страны, где уничтожена капиталистическая буржуазия, в других странах сама уничтожающая или грозящая уничтожить социалистический пролетариат фашизмом, и где, посреди всеобщего мирового кризиса капиталистического хозяйства, наблюдается огромный хозяйственный подъем в формах, если не социалистических, то, пока по крайней мере, не-капиталистических, а потому скрывающих в себе и социалистические возможности. И еще больше растет его практически-политическое значение, как опоры и союзника международного пролетариата в его борьбе против фашизма и, прежде всего, против основной и наиболее военно-опасной гитлеровской разновидности его.

В такой обстановке у всех социалистов без исключения должна возникать мысль, что, если бы история не оставляла пролетариату другого выбора, как выбор между фашизмом и революцией в ее большевистском виде, то не нашлось бы пролетария, который не предпочел бы самый уродливый большевизм фашизму. В этой обстановке именно у тех социалистов, которые убеждены в исторической близости решающей битвы между буржуазией и пролетариатом, но в то же время и в относительной слабости европейского пролетариата

перед лицом тех грандиозных задач, которые поставит перед ним эта битва, — именно у этих социалистов должна возникать склонность к прямой апологетике по отношению к Советскому Союзу и большевистской диктатуре. Но в этой обстановке и те социалисты, которые за сегодняшнюю слабость международного пролетариата, вызванной разгромом его центрально-европейских отрядов, провидят новое нарастание его сил и потому не ищут спасения в иллюзиях, — и они вынуждены тщательно взвешивать каждое слово критики, гласно раздающееся из их уст по адресу Советского Союза, из опасения дать оружие врагам в той весьма практической и весьма политической битве, которая ведется вокруг него и на международной арене, и внутри каждой отдельной страны и в которой решаются одновременно и вопросы войны и мира, и вопросы борьбы двух основных классов современного общества — буржуазии и пролетариата. Вряд ли надо пояснять это тем, кто является свидетелем тех условий и той расстановки классовых сил, в которых протекает, напр., борьба за ратификацию франко-советского договора.

В этой обстановке субъективный фактор, особая «чувствительность» (выражение т. Мориса Паза) коммунистов ко всякой критике большевистской диктатуры, играет роль той последней капли, которая склоняет чашу весов в определенную сторону. И коммунисты, конечно, пользуются этим, чтобы ослабить всякое критическое слово по адресу большевизма, как атрибут «противников единства». Но при таких условиях критическое освещение процессов советской революции и впрямь становится как бы монополей тех, кто относится к движению единства — по крайней мере в тех

лете генеральной линии, заявляет свои права. Она еще не нашла своего русла. Она еще только ищет упора в прошлом. Она еще пасует перед традиционной интернационалистской фразеологией и классовой «статьей» приближающейся к финишу революции. Но она уже распоясывается понемножку. Патриотизм переходит в ура-патриотизм, национальное самосознание в националистическое самомнение, обожание «народного вождя» в прославление «величайшего полководца нашего

времени» и «героя героев» (слова председателя Особых Выхода Эйдмана на сессии ЦИК).

Математической точкой этого стихийного развития является модернизированная разновидность бонапартизма. Только пробуждение политической активности рабочего класса и всего народа может предупредить этот финал и обеспечить демократическое завершение революции в интересах трудящихся масс.

П. Гарви.

75-летие освобождения крестьян

Особой живучестью отличаются те исторические даты, которым не удалось до конца воплотить то, что они собой знаменовали. Манифест 19-го февраля 1861 года возвестил с церковных амвонов русскому крестьянству об его освобождении. «Осени себя крестным знаменем, православный народ, и призови Божие благословение на твой свободный труд, залог твоего домашнего благополучия и блага общественного», — в истории государства Российского не найти, пожалуй, других таких слов, как эти величавые, словно налитые металлом и не превзойденные в своем политическом лицемерии слова манифеста, около которых разбилось столько наивной крестьянской веры, пролилось столько кровавых крестьянских слез и медленно, но неудержимо в сердцах обойденных трудящихся масс плавился могучий поток революционной лавы.

Непрекращавшиеся с середины XVIII столетия кре-

стьянские волнения и бунты и поражение в Крымской войне, обнаружившее вопиющую отсталость страны опутанной в своем экономическом развитии по рукам и ногам крепостным правом, вынудили режим, инстинктивно связанный с интересами дворян, пойти на ликвидацию крепостного права против воли помещиков. Приступая к этой реформе, «власть, — по замечанию Чернышевского въ его замечательных «Письмах без адреса», — принимала на себя исполнение чужой программы, основанной на принципах, несогласных с характером самой власти», бралась тем самым «за дело не естественное, и хотела остаться полною хозяйкою естественного ведения». Становясь на этот путь, она оставалась верной «двум привычкам власти»: «первая привычка состояла в бюрократическом характере действий, вторая — в пристрастии к дворянству».

Результаты не замедлили сказаться. Вышедшие на волю крестьяне должны были получить в свое владение земли, которые находились в их пользовании до 1861 года. Но под давлением помещиков из этого правила был сделан ряд исключений, особенно для черных земных губерний, в результате которых крестьяне получили в общем больше одной трети земель.

ТОВАРИЩ,

ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАИ ДРУГОМУ!

формам, как оно сейчас протекает, — с большою опаской и настороженностью, что еще больше дискредитирует «критику» в глазах пламенных сторонников единства. Таким образом опять-таки создается порочный круг и ослабляются устойчивость социалистических позиций и внутреннее единство самой социалистической партии. И все эти внутренние противоречия неизбежно дают себя знать и неожиданно выскакивают, как неодолимое препятствие к завершению дела единства, как раз тогда, когда вся предварительная работа по выработке общих формул, казалось, была уже так близка к успеху и когда оставалось сделать лишь последний, но решающий шаг — от «единства действий» перейти к «организационному единству».

Поскольку в процессе переговоров об единстве выработываемые «синтетические» общие формулы относятся к проблемам тактического и программного характера, как понимание классовых задач будущей объединенной партии, диктатуры пролетариата и т. п., формулы эти, при всей своей недостаточности, имеют все же определенную ценность: они намечают те рамки, в которые свободное волеизъявление будущей партии вложит определенное содержание. И вполне понятна уверенность социалистов в том, что все традиции и условия развития западно-европейского рабочего движения, столь отличные от условий развития рабочего движения в отсталой России, позаботятся о том, чтобы это содержание соответствовало основным принципам социализма, а не большевизма. Но в таком случае решающим вопросом становится вопрос о самих ор-

ганизационных основах этой будущей партии, вопрос о том, чтобы эти основы на деле обеспечивали возможность свободного волеизъявления партии, как массовой рабочей организации. И тут всякие общие формулы оказываются совершенно несостоятельными. Тут никак уж нельзя обойти то практическое применение, которое эти формулы уже успели получить, нельзя, следовательно, миновать оценку того чрезвычайно яркого опыта, который представляется в этой области большевизмом. И именно с этой, чисто организационной стороны «советская проблема» повелительно навязывается вниманию борющихся за единство социалистов, как проблема их собственного движения.

«Демократический централизм»... Очень хорошая для всех приемлемая формула. Но как, перед лицом повседневного опыта, забыть, что эта формула становится совершенно бессодержательной, если не определено совершенно точно, идет ли речь о демократическом централизме «снизу» или «сверху» или, иначе говоря, практикуется ли этот «демократический централизм» в партии, построенной на социалистических основах рабочей, организационной демократии или же на большевистских принципах авторитарности «вождей»? И как разграничить эти два принципа организации, как сделать их значение понятным партийным массам, если не привлечь к делу советский опыт?

Конечно, и в этой области можно искать «синтетических» формул. Но, как показал французский опыт «синтез» этот касается подробностей функционирования организации, обеспечения подвижности и де-

которая фактически находилась в их пользовании до реформы. Сопротивление помещиков проведению реформы не ограничилось этим. Землю, которую они вынуждены были «уступить» крестьянам за громадный выкуп, они нарезали сплошь и рядом в разных местах, создав тем самым чудовищную чрезполосицу. Недостаточное наделение крестьян землей, попросту — малоземелье, было сознательным мероприятием власти, шедшей и в этом вопросе на поводу у помещиков и хотевшей обеспечить помещиков дешевыми рабочими руками. Крестьянские платежи превышали часто размеры доходов с наделов, заставляя крестьян искать заработков у тех же помещиков для покрытия недоимок. Кроме платежей за землю, крестьяне, отпускаемые на волю, должны были платить еще особую «подушную подать». На них же легло и содержание всей нисшей деревенской администрации и нисшей деревенской полиции. Они же должны были отбывать и натуральные повинности и не пользовались гражданским равноправием, составляя особое, нисшее податное сословие. Мудрено-ли после этого, что облагодетельствованные такой реформой крестьяне назвали ее «барской волей» и страстно стали ждать другой, «настоящей воли»?

Но отдавая себе отчет в чудовищных чертах крестьянской реформы, было бы неправильно отрицать громадное социальное и политическое значение этого акта. Не зря же остались так «безутешны» матерые помещики после реформы! Каковы бы ни были экономические последствия реформы, громадно было прежде всего значение того, что этим актом перечеркивалась позорнейшая страница русской истории, прекращалась торговля «крещеной собственностью», осуществлялся принцип личной свободы крестьян. Моральное и психологическое значение этого факта было исключительно велико. И, может быть, не менее громадно было влияние его на экономическое развитие страны, пред которой только сь этого момента откры-

лась широкая перспектива подъема производительных сил на путях буржуазного развития. Так «крестьянская реформа» разрешила до и без революции одну из основных проблем, которая во Франции очень ярко окрасила все содержание Великой революции. Тем самым проблема революции в России была исторически отодвинута на десятилетия, но тем самым был в значительной мере предрешен и иной характер будущей революции и, главное, иная роль и иная политическая ориентировка в ней крестьянства.

Разрешив лишь проблему личной свободы крестьянства, крестьянская реформа не могла устранить необходимости и неизбежности аграрной революции. И революция эта через полвека пришла в грозе и буре и беспощадно смела все остатки помещичье-монархического строя. Своеобразие русской революции, как революции аграрной, заключается прежде всего в социальной углубленности ее приотнесенности к слабой политической окраске собственно крестьянского революционного движения. И в соответствии с этим, в слабой политической связи русского революционного крестьянства с прогрессивными элементами городской буржуазии. Этим был обусловлен ранний распад в процессе революции неформального блока крестьянства с демократическим крылом буржуазии и политическое сближение крестьянства с революционным пролетариатом. И Ленин в основном, конечно, был прав, когда на VIII съезде компартии (в марте 1919 года) говорил: «Мы так легко проделали Октябрьскую революцию потому, что крестьянство в целом шло с нами, потому, что оно шло против помещиков, потому, что, оно видело, что здесь мы пойдем до конца, потому что мы осуществляли в виде законов то, что было напечатано в эс-эровских газетах».

способности ее центральных учреждений и т. п., но в самих принципах организации, в вопросе о том, где находится источник политической воли партии — «внизу» или «вверху», — и как какой синтез невозможен. Отвечая меньшевикам, указывавшим на то, что большевистская диктатура подавляет свободу волеизъявления рабочих в советах, партии, профсоюзах и т. д., Ленин как-то сказал: «конечно, рабочие должны иметь полную свободу политического самоопределения и полную свободу выбора между различными партиями. Но, выбрав свободно большевистскую партию, они выбирают ее навсегда, ибо таковы известные им принципы большевизма». В организационной практике большевизма это означает: конечно, политическая линия партии устанавливается свободным решением съездов, как их свободным выбором определяется состав ЦК партии. Не только с тем, что «раз выбранный» и являющийся, в силу авторитарных принципов большевизма, действительным источником политической воли ЦК имеет возможность заранее устранять из партии и с ее съездов всех, не согласных «свободно» одобрить его политическую линию и «свободно» выбрать намеченный им состав центральных учреждений, имеет возможность заранее обеспечить свое полновластие «навсегда». В государственном масштабе это значит, как пояснил как-то Бухарин: «конечно, большевистская диктатура допускает свободу мнений рабочего класса, а потому и существование различных рабочих партий. Но только с тем, чтобы одна партия, большевистская, обладала всей полнотой власти, а все другие сидели в тюрьме». Расхождение политических взглядов в рамках движе-

ния, объединенного общностью классовой цели, не может служить непреодолимым препятствием к единству, поскольку единство строится организационно на принципах рабочей демократии и, следовательно, оставляет возможность представителям сегодня побежденных взглядов свободно бороться внутри организации за их завтрашнее торжество. Но единство становится невыносимым, когда организация строится на принципе авторитарности, предоставляющем сегодняшним «победителям» закреплять чисто организационными мерами свою победу «навсегда». Не случайно поэтому, что единство французского профдвижения оказалось возможным лишь тогда, когда «унитарии» на деле отказались от принципа авторитарности и встали на почву рабочей демократии. Не случайно в 1905 г. объединение французских партий, при всем расхождении взглядов одинаково стоявших на этой почве, совершилось сравнительно легко, как легко совершилось слияние «Венского» и 2-го Интернационалов. Не случайно непосредственной причиной расколов русской социалдемократии и в 1903, и в 1908-12 гг. были вопросы не политического, а организационного порядка. И не случайно заминка во французском объединительном движении произошла как раз тогда, когда пришлось подойти вплотную к проблеме организационного единства и от вопросов программы и тактики, для которых удалось выработать компромиссные общие формулы, перейти к вопросам организационного строения будущей объединенной партии и к связанным с этими вопросами вопросам Интернационала.

Не разрешив этих вопросов в смысле практического обеспечения принципов рабочей демократии

Историческая заслуга большевизма заключается, действительно, в том, что в рамках революционной утопии ему удалось, хотя и ценой огромных жертв, радикально выкорчевывать остатки феодально-сословного строя и осуществить заветную мечту многомиллионного крестьянства о передаче ему земли, тем самым разрешив основную задачу аграрной революции без помощи буржуазии. И в той же речи в марте 1919 года Ленин правильно подчеркивает, что в России «пролетариату выпала роль агента мелкобуржуазной революции», и что Октябрьская революция в истоках своих была поэтому «в значительной мере революцией буржуазной» (Т. XXIV, стр. 125).

Правда, с переходом к созданию комбедов, социальный характер русской революции как будто изменился и она приобрела характер революции пролетарской. Но от этой иллюзии, в которую сам Ленин едва ли когда-либо действительно верил, компартии пришлось два года спустя отказаться и официально и с переходом к нэпу искать открытого компромисса с широкими слоями мелкобуржуазного крестьянства. Расцвет сельского хозяйства во время нэпа, в 6-7 лет залечивший глубокие раны, нанесенные ему мировой войной и гражданской войной, явился внешним выражением плодотворности политики компромисса между интересами двух революционных классов. Генеральная линия страшным рывком оборвала это развитие. И не случайно в пору насильственной коллективизации прокатилась в крестьянских массах волна смятенного горячего шопота о том, что при Ленине не бывать бы всему этому!

Казалось, что аграрная революция чуть не накануне своего победного завершения чьей-то чудовищной волей вздернута на дыбы и повисла над пропастью. Не только в среде самого крестьянства, но и среди коммунистов было немало людей, которые думали, что насильственная коллективизация означает новую

в будущей объединенной партии, политическое движение французского рабочего класса сможет и должно будет и дальше практиковать все более тесные формы сотрудничества, «единства действий» наличных пролетарских партий, но — насчет этого не следует делать себе никаких утешительных иллюзий — не сможет сделать решительного и последнего шага к восстановлению организационного единства. Или точнее: не сможет сделать его без риска превратить объединенную партию в арену непрерывной междоусобицы и новых расколов, — судьба, испытанная «объединенной» российской социалдемократией, не в силу особой склонности русских к расколам, как наивно полагают кое-какие иностранные товарищи, а в силу действительной несовместимости двух полярно противоположных принципов организации.

**

Но попытка практического разрешения организационной проблемы, неизбежно встающая в порядок дня при переходе от единства действий к организационному единству, опять-таки вплотную подводит к советской проблеме. И это не только в виду необходимости считаться с большевистским опытом при построении организационного базиса будущей объединенной партии и не только в силу вхождения одной из объединяющихся партий, коммунистической, в организационную систему большевизма. Но проблема организационного единства, профессионального-ли, политического-ли, практически связана с проблемой интернациональной аффилиации, а в Проф- и Коминтерн не только входят советские организации, но именно эти

анти-крестьянскую революцию (или контр-революцию).

Но когда кровавый туман несколько рассеялся и крестьянство, отчасти сломленное террором, отчасти в силу классовой инерции, привязавшей его к земле, в массе своей все же подалось в колхозы, — потрясенный современник понял, вернее, смутно почувствовал, что и эта гигантская социальная драма, которая, казалось бы, временами, посягает на самые основы существования крестьянства, в конце концов окольными путями выводит на широкую дорогу аграрной революции, вступающей ныне в свою последнюю фазу, фазу борьбы крестьянства с диктатурой за приспособление колхозного строя к интересам широких крестьянских масс.

Самой характерной политической чертой этой новой фазы является стремление власти путем мелких послаблений колхозному крестьянству уверить его в том, что аграрная революция, наконец, завершена. Этой же цели служит та широкая пропаганда будто бы наступившей повсеместно «веселой и зажиточной жизни», в которую брошены сейчас все агитационные силы аппарата диктатуры. Здесь же корни той политики формирования процессов выделения из колхозного крестьянства привилегированного слоя крестьянской бюрократии, который должен явиться для диктатуры новой, более прочной опорой в деревне. А на другом полюсе — глухая борьба, которая ведется в колхозной деревне против вмешательства государства в хозяйственную жизнь колхозов, вокруг машин, вокруг урожая...

Крестьянство в своей массе — как ни стараются коммунистические публицисты, писатели и поэты — упорно не хочет верить своему «счастью», и настроенный колхозной массы остается политически сумрачным. Но на этом политически отнюдь не веселом фоне действительно радостным моментом является растущая популярность идеи демократической

организации являются основным и решающим элементом в них: вне этих организаций имеется идущее под флагом большевизма, но, по существу, революционно-национальное, рабоче-крестьянское движение полуколониальных и колониальных стран, имеется 2-3 численно-слабых политических и профессиональных организации в Европе, но нет ни Профинтерна, ни Коминтерна. Взаимоотношения объединяющихся организаций с Профинтерном непосредственно сводятся поэтому к взаимоотношениям с советскими организациями, а потому непосредственно ставят вопрос о существовании этих организаций.

Если бы Профинтерн и Коминтерн были так же построены на принципе рабочей организационной демократии, как МФПС и РСИ, то вопрос об интернациональной аффилиации объединяющихся организаций не представлял-бы особых трудностей. Если бы даже интернациональные центры не были еще готовы к такому взаимному сближению, до которого доработались отдельные национальные отряды, то и в этом случае вопрос сравнительно легко мог бы разрешиться на том пути, который предлагает Отто Бауэр («Кампф», январь 1930 года): поддерживая организационную связь с обоими интернациональными центрами, объединенные профсоюзы или партии могли бы сыграть роль моста, содействующего сближению этих центров. Но, как писал Маркс в письме к Кугельману, основной принцип революционной политики состоит в том, чтобы брать вещи не так, как нам желательно, а так, как они суть. Нечаянно попытка «Венского Объединения», как и последующие попытки английских Независимых сыграть роль такого моста окончились неудачей: авторитарный

кратизации колхозов, на которую в прошлом году вынуждена была откликнуться сама диктатура. Правда, обещав провести эту реформу, диктатура и ее бюрократия снова и снова пытаются свести это обещание на нет. Но демократизация может быть отсрочена, она не может быть снята с порядка дня. Ибо только демократизация колхозов, превращение их в прочные опорные пункты подлинной крестьянской общественной и хозяйственной самодеятельности, сможет

завершить дело освобождения крестьян, начатое 75 лет тому назад, и тем самым завершить в интересах широких крестьянских масс и весь громадный цикл великой аграрной революции.

Когда и как аграрная революция найдет свое завершение, будет зависеть от характера общих итогов того гигантского переворота, который пережила страна за последнее 20-летие.

В. Александрова.

Стахановское движение и охрана труда

Стахановское движение ставит в порядок дня во всей широте проблему рационализации производства. Ставит, правда, эмпирически, ощупью, исходя не от организации предприятия в целом, как этого требует всякая разумная рационализация, а от отдельного рабочего места. Все проблемы рационализации приобретают в этой постановке искаженный характер и разрешаются — поскольку разрешаются — лишь с громадным напряжением сил, в обстановке нередко чудовищной растраты человеческой энергии. Этого, конечно, не могли в конце концов не заметить и руководители нашей хозяйственной политики, и в последние недели в официальных высказываниях все чаще начинает проскальзывать сознание необходимости освободить новейшую рационализаторскую политику от полупанархических черт, которые так ярко сказались в ней в первые месяцы стахановского движения. Влияние этого процесса рационализации самого «стахановского движения» должно будет сказаться — и отчасти уже и сказывается (по крайней мере в постановке вопросов) — в ряде

областей экономической и социальной политики. И о проблеме рационализации в целом, в связи со стахановским движением, и о ряде частных вопросов еще придется, вероятно, не раз беседовать с читателями «Соц. Вестника». В настоящей статье я хочу остановиться лишь на проблеме охраны труда, как она встала в последние недели в связи с развитием стахановского движения.

Что здоровая рационализация производства немыслима вне энергичной политики охраны труда, является азбучной истиной, которую, казалось, не нужно было бы повторять. В характерной для первых месяцев стахановского движения и далеко не изжитой и до сих пор обстановке лихорадочной погони за рекордами и искусственно взвинченными показателями производительности эта элементарная истина однако слишком часто забывалась. В советской печати, как ни скупа она на такого рода сообщения, отмечено множество фактов грубейшего нарушения элементарных требований рабочего законодательства, главным образом законодательства о рабочем времени. Во многих предприятиях создалась подлинно обстановка «штурмовщины» со все-

принципы большевистских интернациональных центров оказываются на деле несовместимыми с принципами рабоче-организационной демократии, на которых построены интернациональные центры социализма и свободного профдвижения. Афилиация объединенной партии к обоим центрам неизбежно означала бы ее фактическое подчинение — хотя бы ради сохранения своего, вначале неизбежно хрупкого единства — центру авторитарному, не терпящему никаких «уклонов», не говоря уже о тех гигантских средствах воздействия на афилированные к нему организации, каким, в отличие от демократически организованных центров, обладает центр, подпираемый всею мощью большевистской диктатуры. А такое подчинение означало бы, в свою очередь, не что иное, как разрыв со всем организованным рабочим движением Европы. Понятно поэтому, почему такой последовательный сторонник единства, как Жиромский, считает необходимым, чтобы объединяющееся французское профессиональное движение входило организационно попрежнему в МФПС, с тем конечно, чтобы внутри этой интернациональной организации бороться за контакт с Профинтерном и за полное международное единство профдвижения («Попюлэр», 16 февраля).

Предлагаемый Жиромским путь окажется, вероятно, приемлемым и для входящих в профессиональное объединение «унитариев»: большевистская диктатура давно уже весьма мало интересуется чисто профессиональной борьбой международного пролетариата, и Профинтерн давно уже влачит призрачное существование, стоит на пороге ликвидации. Иное дело одна сторона афилиация объединенной политической пар-

тии к РСИ: Коминтерн играет слишком важную роль в общей политике большевистской диктатуры, чтобы она могла сдать без боя и коминтернские позиции. Или точнее: сдать эти позиции без существенного изменения своей общей политики, без хотя бы первого приступа к организационному раскрепощению советских рабочих организаций и к перестройке их на началах внутренней демократии, большевистская диктатура не сможет. Именно сторонники единства должны с открытыми глазами смотреть на этот факт, ибо ничто не способно нанести движению единства такого удара, как неизбежное крушение всяких иллюзий.

Как приходилось уже указывать, раскрепощение советских рабочих организаций возможно двумя путями: либо путем все большего «дистанцирования» большевистской диктатуры от советского и международного движения вообще, либо, наоборот, путем последовательного возвращения советского правительства к его пролетарским истокам и к свободной самодеятельности трудящихся. Незачем еще раз настаивать на том, что первый путь означал бы завершение контр-революционного перерождения вышедшей из революции диктатуры, и что поэтому все силы социализма, и русского, и международного, должны быть направлены на то, чтобы развитие пошло по второму пути. Эта именно проблема и встает сейчас перед нашими французскими товарищами. Она именно и заставляет и Блюма, и Жиромского, и Фаринэ, и Паза, и других все снова и все чаще, и нехотя, затрагивать на столбах «Попюлэр» советский вопрос, прежде всего — с точки зрения подавления свободы рабочей и социалистической мысли в Советском Союзе. Неразрешенность этой проблемы

ми ее отрицательными последствиями. В начале декабря «Труд» поместил как-то обобщающую статью об охране труда в предприятиях тракторной промышленности. Автор статьи, председатель ЦК союза рабочих тракторной промышленности В. Сивачев особенно подробно останавливается на положении, создавшемся в последнее время на Сталинградском и Харьковском тракторных заводах:

«Расчитанные на выпуск 72 тракторов в смену, они в нынешнем их запущенном состоянии не могут удовлетворить требования охраны труда, когда выпуск машин увеличен вдвое (в связи со стахановским движением ХТЗ и СТЗ перешли, как известно, на работу в одну смену без сокращения производственной программы. — С. Ш.). Отставание вентиляционного хозяйства от стахановской перестройки цехов приводит к тому, что в цехах появляется большая загазованность, вредно отражающаяся на здоровье стахановцев (о здоровье не-стахановцев, очевидно, даже и заботиться нечего. — С. Ш.). Например, при проверке на Харьковском тракторном заводе у головы большого конвейера в воздухе оказалась угарного газа в десять раз больше допустимой нормы. Отмечено три случая легкого отравления рабочих углекислым газом» («Труд» от 8-го декабря).

Автор останавливается на ряде недостатков в постановке охраны труда и отмечает, как общую тенденцию не только для тракторной промышленности, что «в заводах, в средних звеньях и в ЦК профсоюзов охране труда уделяется очень мало внимания. Особенно это стало заметным за последнее время».

Немало содействовала ухудшению условий охраны труда и та атмосфера террора, которой с первых же шагов стахановского движения были окружены малейшие проявления критики нового евангелия; позорным памятником этих дней навсегда останется угроза Сталина на всесоюзном совещании «дать слегка в зубы» тем из руководящих технических работников, которые, ссылаясь на свой технический и научный опыт, скептически расценивают возможность или целе-

сообразность тех или иных небывалых производственных рекордов. «Слегка» это, конечно, на-половину ирония, на-половину стыдливый псевдоним. На практике обходятся, конечно, без псевдонимов. В печати («Правда» от 4-го ноября) промелькнуло как-то сообщение, что в шахте Челябингугля № 204 погибло при обвале шахты 10 лучших стахановцев. Против шести инженерно-технических работников шахты, бывших коммунистов, исключенных из партии за троцкизм и прочие прегрешения, было возбуждено обвинение в том, что они «в целях дискредитации стахановского движения» «подготовили обвал шахты» и послали туда на гибель лучшую стахановскую бригаду. И этому кто-либо поверит? Но нужно было спасти авторитет стахановского движения, и в наших условиях голова троцкиста не такая уж дорогая цена за это. Суд приговорил одного из обвиняемых к расстрелу, остальных к лишению свободы на разные сроки*). Нетрудно догадаться, что тут и действительности произошло: злополучные инженеры, видимо, возражали против каких-то опасных новшеств («заядлые враги стахановского движения»), а когда их опасения получили такое трагическое подтверждение, они же и оказались в ответе. Значительно позже «Правда» невольно несколько рассеяла туман, окружавший это дело: 18-го декабря «Правда» сообщила о победе стахановцев над «консерваторами и рутинерами» в Челябинских шахтах, «пророчившими всякие беды» от применения забойщиками взрывчатых веществ (аммонала). Вмешательство районного комитета ВКП обеспечило победу аммонала. Из шахт приходят сообщения о новых и новых рекордах. А если печальные «пророч-

*) Своим приговором Челябинские судьи — невольно, конечно, — показали, что они сами не верят в предъявленное шести инженерам обвинение: ведь если бы они действительно сознательно подготовили катастрофу, стоившую 10 жизней (притом жизней 10 лучших стахановцев), им, конечно, всем не миновать бы расстрела.

и является главной причиной заминки в ходе восстановления «организационного единства». И надо думать, что в ближайшее время проблема эта, и помимо чье-либо воли, будет завоевывать себе все большее внимание во французском социализме. Ибо, пока она не получит хотя начала разрешения, движение единства не получит интернационального размаха, а в национальном масштабе вряд-ли сможет перейти за пределы пусть все более развитых и совершенных форм «единства действия», для которого и в самом деле не надо никаких других «предпосылок», кроме предпосылки возрастающей общности профессиональных и политических интересов всех частей пролетариата и возрастающей опасности, которую всем им угрожает фашизм.

Уже не раз приходилось подчеркивать, что самая практика «единства действий» не только все больше — и психологически, и идейно — политически — цементирует фундамент, на котором, в конце концов, воздвигнется здание столь необходимого единства, но что практика эта рикошетом воздействует и на рабочие массы Советского Союза, идейно-политически подготавливая их вовлечение в фарватер мирового рабочего движения, а потому не остается и без косвенного влияния на ход и перспективы политического развития Союза. Но, чтобы эти благотворные результаты «единства действий» могли сказаться в полную меру, социалистические сторонники единства не могут ограничиваться пассивным ожиданием его влияния на общее положение дел в Советском Союзе, а должны поставить себе задачей активное воздействие на это положение. И, как видим, собственный

опыт и собственное развитие движения к единству подводят его вплотную к выполнению этой задачи.

Долг тех русских социалдемократов, которые со всею страстью вложились в великое, историческое движение рабочего класса к единству, которые никогда не хотели делать из «советской проблемы» камень преткновения для этого движения и потому никогда не хотели ставить перед ним эту проблему, как какое-то свое, «чисто-русское» дело, которые, наоборот, были убеждены, что международный пролетариат именно на опыте движения к единству скорее всего придет к пониманию того, что «советский вопрос» есть в такой-же мере его собственный вопрос, как вопрос русской социалдемократии, — долг этих русских социалдемократов заключается в том, чтобы теперь, когда временная заминка в движении к единству на самом деле означает переход его в новую фазу, требующую пристального внимания его к «советской проблеме», прийти нашим европейским товарищам на помощь всем своим громадным опытом и тем революционным социалистическим пониманием этой проблемы, с которого нашу партию не смогли сбить ни годы потопля и эмиграции, ни неистовства большевистского террора.

Дело рабочего единства, вопреки всем неизбежным трудностям, перерывам и заминкам, в конце концов победит. И его победа будет одновременно победой и русской социалдемократии.

чества» челябинских инженеров оправдаются, им-же, конечно, придется за это и ответить.

В такой обстановке не может быть и речи о прочных успехах действительной рационализации производства. И это начинают, повидимому, понимать и в коммунистических кругах. Директор Кировского завода (бывш. «Красный Путиловец») объявил «внутризаводский конкурс на снижение заболеваемости и травматизма, на лучшую работу по оздоровлению условий труда». Такой же конкурс объявлен на Ижорском заводе. Смешивая желаемое с сущим, «Труд» (от 8-го января) пишет: «Теперь в связи со стахановским движением создалась исключительно благоприятная обстановка для работы по охране труда... Всякое рациональное предложение, способствующее созданию здоровой и безопасной обстановки у рабочего места, одновременно приводит к повышению производительности труда и создает благоприятные условия для расширения стахановского движения». Директор Ленинградского института охраны труда, проф. Шмерлинг, явно забегая вперед, легкомысленно говорит даже уже об «изумительных итогах» стахановского движения в деле «оздоровления труда и ликвидации травматизма» («Труд» от 28-го января). От этого усердия не по разуму пользы делу охраны труда, конечно, быть не может. Об «итогах» говорить еще рано. Пока еще только начинается поворот в отношении к вопросам охраны труда. Но одно заслуживает особенного внимания: по мере роста успехов стахановского движения из среды самих рабочих, стоящих на передовых рационализаторских позициях, все чаще раздаются требования об улучшении условий труда: «Наши институты охраны труда», читаем мы в «Труде» от 1-го февраля, «отмечают значительное усиление спроса на всякие установки и приспособления по охране труда и технике безопасности. Характернее всего, что этот спрос растет главным образом в результате требований самих стахановцев».

Правда, требования эти аргументируются обычно лишь интересами повышения производительности труда, чем всей системе мероприятий по охране труда придается односторонняя «производственная» целеустремленность и узость. Дело охраны труда не может от этого не пострадать, и это уже начинает сказываться в тех планах реорганизации дела охраны труда, скудные сведения о которых проникли в печать.

Недавно в «За Индустриализацию» (от 3-го и 8-го января) появилась пространная статья В. Полонского «Профсоюзы и охрана труда в новых условиях». Полонский — один из 5 секретарей ВЦСПС, повидимому, наиболее близкий к Сталину и явно готовящийся занять место Шверника, звезда которого по всем признакам закатывается. План, который Полонский развивает в своей статье, сводится к передаче дела охраны труда из ведения ВЦСПС в ведение хозорганов и хозяйственных Наркоматов. Когда в июне 1933 г. был ликвидирован Наркомтруда и задачи его были переданы ВЦСПС, советская печать характеризовала эту реформу, как громадный шаг навстречу требованиям рабочих. В этой аргументации было много официальной фальши и вся реформа была внешним выражением того факта, что профсоюзы стали частью административного аппарата бюрократического псевдо-советского государства. Поэтому, когда в ноябре прошлого года печать заговорила открыто о кризисе профсоюзов, о необходимости борьбы с бюрократизацией профсоюзов и за их демократизацию, логично было бы ожидать, что в ближайшем будущем профсоюзы будут освобождены от функ-

ций официальных административных органов и что в той или иной форме будет восстановлен Наркомтруда. Та реформа, о которой пишет Полонский, имеет совсем иной смысл. Передача дела охраны труда в хозяйственные органы означает полное упразднение охраны труда, как системы мероприятий социально-политического характера, т. е. мероприятий, продиктованных в основном социальными мотивами, превращение охраны труда в орудие хозяйственной политики в тесном смысле этого слова и попытку полного отстранения от этого дела рабочих. Правда, за профсоюзами сохраняются — пока! — функции инспекции труда, но одновременно решительно и многократно подчеркивается, что «практика штрафов и формальных предписаний, не достигающих цели, должна быть осуждена и изжита» и что инспектора труда должны чувствовать себя прежде всего помощниками хозяйственников в деле обеспечения возможно более высокой производительности труда.

Что значит эта передача («полностью») дела охраны труда хозорганам, недавно наглядно показал лучший из хозяйственных наркоматов — Народный Комиссариат Тяжелой Промышленности. Приказом по НКТП от 5-го декабря ликвидирован сектор труда Наркомата, так как «работа сектора труда не соответствует интересам развертывания стахановского движения!» «Вся работа по организации труда, охране труда и т. п.» передается в главные управления Наркомата. Настроение в руководящих кругах Наркомтяжпрома, очевидно, таково, что даже в рамках самого Наркомата выделение политики труда в самостоятельный сектор представляется проявлением социально-политического «оппортунизма». И «За Индустриализацию» услужливо спешит зарегистрировать новые веяния в карикатуре, изображающей жалкий провал сектора труда в тартарары (см. № от 14-го декабря).

От этой реакционной политики, если бы она была доведена до своего логического конца, не поздоровилось бы ни охране труда, ни — рационализации производства. Но, к счастью, она совершенно неизбежно вызывает пусть придушенную и завуалированную, но инстинктивную и неустрашимую оппозицию со стороны рабочих, и не в последнюю очередь со стороны рабочих-стахановцев, в которых нередко в какой-то своеобразной форме пробуждается ощущение своего социального значения, своего значения именно как рабочих. В этой рабочей оппозиции единственный шанс на упрочение дела охраны труда и на преодоление узкопроизводственной ограниченности новейшей рационализаторской политики.

С. Шварц.

ЗАГРАНИЦЕЙ

ЗАГРАНИЧНЫЕ СОЦИАЛИСТЫ О СОВЕТСКОМ ТЕРРОРЕ.

Л. Де-Брукэр.

В брюссельском «Пэпль» председатель РСИ Л. Де-Брукэр поместил 2 февраля горячо написанную передовицу под заглавием «Освободите Еву Бройдо!».

Подробно очертив биографию нашего славного товарища и рассказав обстоятельства, при которых она отправлена теперь в новую ссылку на границы Монголии, Де-Брукэр пишет:

«Вот факты. Я не хочу комментировать их. Я ставлю лишь простой вопрос.

«Чем объясняется эта невообразимая жестокость?»

«Кто скажет, что она необходима «в интересах революции»?

«Я никогда не верил и никогда не поверю, что сыщик, тюремщик и палач являются самыми подходящими строителями социализма. Но и те, кто возлагают свои надежды на «неизбежное» насилие, согласятся, что 18 лет после октябрьской революции, когда режим окреп и население одобряет

его или мирится с ним, большевистскому строю ничего не грозило бы от того, что старая революционерка могла бы жить в Лондоне со своими детьми.

«Я требую ее освобождения. И я и впредь буду требовать его. Я знаю, что весь международный социализм требует его вместе со мною. Я убежден, что в глубине души его требуют и коммунисты, и что сами народные комиссары сделали бы этот жест, которого требуют одинаково и здравый смысл и человечность, если бы смели сделать его.

«Но этого жеста не хочет ГПУ! Оно не хочет, чтобы смог заговорить свободно тот, кто видел режим политических тюрем! Оно хочет демонстрировать свое могущество и внушать страх. И самые сильные дрожат перед ним!

«Внутренняя слабость всех режимов насилия ставит их, в конце концов, в зависимость от полиции, которая господствует над ними и бесчестит их. Наполеон дрожал перед Фуше, который, по существу, не меньше способствовал его гибели, чем Веллингтон. Гитлер боится Гестапо, которое когда-нибудь потащит его за собою на свалку.

«Русские освободились от царя. Но свою революцию они завершат лишь тогда, когда освободятся от того, что осталось еще у них от духа царизма, и когда уничтожат отвратительнейшее из учреждений, завещанных им старым режимом, — гнусную охранку, продолжающую бесчинствовать под другим названием.

«Освободите революцию от ГПУ!

«Освободите Еву Бройдо!»

Пражский «Социалдемократ».

Подобно многим другим органам социалистической печати, орган немецкой с.-д. партии в Чехословакии напечатал (1 февр.) подробное сообщение об участии Евы Бройдо. Эта публикация вызвала злобную реплику со стороны коммунистической «Роте Фане», на которую «Социалдемократ» в свою очередь отвечает в номере от 11 февраля:

«Нашей публикацией «Роте Фане» пользуется для утверждения, будто мы желаем разбить единый фронт! «Р. Ф.» и не пытается опровергнуть хотя бы одно слово из нашего сообщения, что дает нам право предполагать, что и у нее достоверность опубликованных нами фактов не вызывает сомнений. Но «Р. Ф.» утверждает, что единый фронт между социалдемократами и коммунистами в Советском Союзе был бы опасен для страны. Мы-же, наоборот, думаем, что освобождение старых борцов революции, подобных Еве Бройдо, политически и морально лишь укрепило бы советское правительство и могло бы иметь лишь благоприятные последствия для взаимоотношений между социалдемократами и коммунистами. Но «Р. Ф.», повидимому, придерживается лозунга: единый фронт лишь там, где сильна социалдемократия и где можно кое-что отхватить от нее; там-же, где сильны коммунисты, а социалдемократия слаба, — там единый фронт состоит в том, чтобы законопачивать социалдемократов в тюрьмы».

Ж. Жиромский.

В статье «Защита революции и демократическая свобода», помещенной в «Полюэр» от 5 февраля, Жиромский, вполне признавая право революции на самозащиту и на чрезвычайные меры, могущие понадобиться для такой самозащиты в бурные революционные времена, пишет:

«Однако, признавая все это, мы никоим образом не можем принять принудительно навязываемого всем обязательного и абсолютного «единомыслия».

«Умственная свобода, свобода исследования необходимы для успеха пролетарской революции.

«Эта свобода, в указанных нами рамках, должна быть обеспечена в Советской России. Мы имеем право требовать этого потому что имеем информацию, внушающую нам в этом отношении законную тревогу.

«По нашим сведениям там имеются борцы социализма, которых никоим образом нельзя заподозрить в «контр-революционности» и которых однако лишают свободы за то, что они отвергают «единомыслие», несовместимое с подлинно-революционным духом. Борцы социализма, давно и глубоко усвоившие себе свои убеждения, выступавшие нередко застрельщиками пролетарского единства действий и на деле доказавшие свою революционную солидарность в борьбе против белых, подвергаются преследованиям и бросаются в тюрьмы за то только, что они несогласны с «генеральными линиями» советского правительства...

«Вспоминая обмен мнений по этому вопросу, имевший место на одном из последних заседаний координационного комитета, я высказываю пожелание, чтобы наша информация, получаемая из серьезного источника, сообщалась коммунистической партии для сведения, расследования и проверки под взаимным контролем.

«В этой области, как и во всех других, на обе наши партии падает важная задача: надо во что бы то ни стало успокоить мятущуюся совесть. Обе наши партии должны заняться этим вопросом, который я, как мне кажется, постараюсь поставить так, чтобы не оставлять места никаким недоразумениям.

«Я не думаю отрицать революционные необходимости советского государства. Но и в этой области, как и в других необходим синтез личной свободы с потребностью всеобщей защиты СССР».

Польский Бунд.

В газете «Фольксцайтунг», центральном органе Бунда в Варшаве, в номере от 31-го января перепечатана под заглавием: «Ева Бройдо сослана на новые пять лет», статья из Бюллетеня секретариата РСИ.

В той же газете от 10-го февраля вопрос об Еве Львовой поднят в статье тов. В. А. «Наилучший подарок».

В этой статье устанавливается, что коммунисты тем теплее и тем дружественнее относятся к социалдемократам, чем в данных странах социалдемократия сильнее, а коммунистическое движение слабее. Там же, где коммунисты чувствуют свою силу, они относятся к социалистам нетерпимо и враждебно.

«Но хуже всего отношение к социалистам в той стране, где коммунисты обладают всей полнотой власти, — в Советском Союзе. Там они стоят на той точке зрения, что единственным подходящим местом для социалистов является тюрьма или ссылка.

Наиболее ярко это разное отношение к социалистам проявилось в двух фактах, которые недавно опубликованы в прессе:

Бывший председатель РСИ и нынешний министр в бельгийском коалиционном правительстве Вандервельде праздновал недавно свое 80-летие. Советское правительство преподнесло ему ценный подарок.

Почти в то же самое время Е. Л. Бройдо, член женского комитета при том же РСИ, тоже получила к своему 60-летию «подарочек» от советского правительства: в виду того, что кончилась ее пятилетняя ссылка в Ташкенте, ей была объявлена... новая высылка на 5 лет в г. Удала в Ойратской республике.

Это больше, чем случай — это символ.

Статья В. А. заканчивается заявлением, что «наилучшим подарком, который коммунисты могли бы нам сделать, является свобода для всех пролетарских деятелей в Советском Союзе».

СУДЬБЫ ДИКТАТУРЫ В ЭСТОНИИ.

В течение двух лет в Эстонии существует фактическая диктатура президента государства Пятса и главнокомандующего генерала Лайдонера. Правда, конституция была отменена в «конституционном» порядке, политические партии не распущены, им только, в силу исключительного положения, запрещена всякая деятельность. Перевороту предшествовал

В конторе „Социалистического Вестника“ принимается подписка на следующие издания:

1. „NEUER VORWAERTS“ — еженедельный орган германской соц.-дем-тии, издаваемый в Карлсбаде, цена за 3 мес. — 18 фанц. фр.
2. „ZEITSCHRIFT FUER SOZIALISMUS“ — ежемесячный орган Герм. Соц.-Дем. Раб. Партии. Цена за 6 месяцев — 20 фр. франков.
3. „ARBEITER-ZEITUNG“ — еженедельный орган австрийской с.-дем-тии, цена за 6 мес. — 12 франц. фр.
4. „POPULAIRE“ — ежедневная газета франц. соц. партии, цена за 3 мес. — 25 франц. фр.
5. „KAMPF“ — ежемесячный с.-д. журнал австрийской партии, цена за год — 20 франц. фр.
6. „LE COMBAT MARXISTE“ — ежемесячный журнал, цена за год — 10 фр.
7. „LA BATAILLE SOCIALISTE“, цена за год — 10 фр.
8. „LA GAUCHE REVOLUTIONAIRE“, цена 10 №№ — 5 фр.

Подписка принимается не менее, чем на 3 месяца по ценам издательств.

народное голосование, в котором значительным большинством был принят предложенный фашистами «бойцами за освобождение» проект изменения демократической конституции. В последовавшей затем борьбе за пост президента государства фашисты открыто готовили пути. Но временный президент Пятс воспользовался чрезвычайными полномочиями, предоставленными ему самой измененной конституцией, чтобы 12 марта 1934 года распустить «союз бойцов за освобождение», арестовать фашистских вождей и, опираясь на крестьянские и правобуржуазные слои, установить свою собственную диктатуру.

За два года существования эта диктатура порядком поизносилась. А за последнее время имела место новая попытка фашистов силой захватить власть. В декабре 1935 г. раскрыт разветвленный заговор «бойцов за освобождение», в который оказались замешаны высокие офицерские чины и политические деятели и нити которого вели к правым кругам в соседней Финляндии и главным образом — к германским национал-социалистам, играющим для «бойцов за освобождение» роль образца для подражания и снабжающих их деньгами. Были произведены обширные аресты.

После этого в своем новогоднем послании президент Пятс возвестил новую реформу конституции. 23-25 февраля должно состояться народное голосование о предложенном правительством проекте, предусматривающем созыв Учредительного Собрания для пересмотра существующей или выработки новой конституции. У. С. должно состоять из двух палат. Первая (80 членов) должна избираться народом в порядке всеобщего и закрытого голосования, с тем однако, что избирательное право будет уже не пропорциональным, а мажоритарным по английскому образцу. Политическим партиям, деятельность которых ныне приостановлена, в том числе и социалдемократам, возвращается право выступления на выборах. Вторая палата (40 чл.) составляется по сословному признаку из представителей суда, муниципалитетов, высших учебных заведений, шюцкоров (гражданское ополчение), церкви, а также лиц, назначаемых правительством. При разногласии между палатами спорный вопрос решается в их совместном заседании простым большинством голосов. Выработка конституции должна быть закончена в 6-месячный срок.

Таким образом предполагается создать нечто среднее между демократическим и «авторитарным» строем, причем уже сама избирательная система, принимая во внимание преимущественно аграрный характер страны, заранее обеспечивает правительству большинство.

В отношении к проекту Пятса между эстонскими социалистами единогласия нет. Правое крыло (официальная партия) стоит за поддержку этого проекта при народном голосовании, считая, что принятием его устраняется опасность чисто фашистской диктатуры «вабсов» («бойцы за освобождение») и создаются несколько более благоприятные условия для борьбы за восстановление подлинной демократии. Наоборот, левое («марксистское») крыло полагает, что бороться односторонне непримиримо следует против обеих разновидностей фашизма, ибо укрепление любой из них окончательно закроет путь к демократии. Поэтому левое крыло эстонских социалистов призывает к бойкоту народного голосования. К этой же точке зрения склоняются и профессиональные союзы.

ПРАВО УБЕЖИЩА В ШВЕЦИИ.

Социалдемократические члены шведского парламента Георг Брантинг, Фредерик Штрэм и Рут Густафон внесли в обе палаты предложение поручить правительству подвергнуть пересмотру закон, регулирующий въезд иностранцев в Швецию. Цель предложения — законодательная гарантия права убежища для политических беженцев в Швеции.

СОЦИАЛИЗМ В ИНДИИ.

«Конгрессовый Социалист», орган Всеиндийской Социалистической Партии, участвующей в Национальном Индийском Конгрессе (организация общенационального индийского движения), отмечает в номере от 11 января успехи социалистов на последних выборах в конгресс. Хотя общие итоги выборов еще неизвестны, но уже несомненно, что большой успех выпал на долю социалистической партии в Бомбейской провинции: выбраны все 5 выставленных кандидатов. Впервые к избирателям апеллировали не во имя личных заслуг и самоотверженности кандидатов, а во имя определенной политики. Исход выборов показывает, что тысячи избирателей охотнее голосуют за определенную политику, чем за видных лиц с неопределенными политическими взглядами.

В следующем номере своем «К. С.» опубликовал письмо, которое послал собравшейся 18 января в Мееруте конференции конгрессовых социалистов пользующийся огромною попу-

лярностью в Индии долголетний и видный деятель национального движения, Пандит Джавархалал Нэру. В этом письме Нэру заявляет, что постепенно усвоил себе взгляды научного социализма и теперь считает себя вправе объявить себя социалистом в полном смысле этого слова и примкнуть к социалистической партии.

Упомянутая конференция приняла по вопросу о конгрессовом движении резолюцию, в которой говорит, что для превращения конгресса в подлинно анти-империалистическую организацию необходимо изменить его состав: должно быть обеспечено представительство рабочих, крестьян и других эксплуатируемых классов через посредство их классовых организаций. В задачи конгресса должны входить: полная независимость в смысле выделения из британской мировой империи; вся власть трудящимся массам (со включением работников умственного труда); национализация крупной ключевой промышленности, копей и банков; уничтожение не-трудового крупного землевладения; наделение землей обрабатывающих ее; аннулирование задолженности крестьян и рабочих; уничтожение индийских княжеств. Одним из главных пунктов платформы Конгресса должна быть организация рабочих, крестьян и других эксплуатируемых классов на основе их экономических требований в классовые организации и содействие их борьбе за освобождение от всякой эксплуатации.

В вопросе о новой индийской конституции конференция заявила определенно: «так как индийский народ имеет неотчуждаемое право сам установить свою конституцию, и так как новая конституция, выработанная английским парламентом, совершенно реакционна и стремится усилить эксплуатацию масс и укрепить оковы империализма, делая высшим классам уступки за счет подавляющего большинства народа и пользуясь этими классами для фальсификации действительной народной воли, — то конгрессу не остается ничего иного, как принять все меры, чтобы сделать невозможным применение этой конституции».

По поводу единого фронта конференция высказалась в том смысле, что в Индии настоятельно необходимо сплочение всех анти-империалистических сил, чтобы добиться полного освобождения от империалистического господства, и еще раз подтвердила решение продолжать работу в этом направлении.

В заключение была принята резолюция против войны, начатой итальянскою диктатурой в Абиссинии, с указанием, что борьба Абиссинии является частью борьбы всех угнетенных народов.

ОДУРАЧЕННЫЕ ДИКТАТОРЫ.

(Эпизоды нелегальной борьбы австрийских социалистов).

ЦК правительственного профсоюза задумало как то рассылать еженедельные циркуляры членам заводских комитетов (назначенных, не выборных!) для информации об «успехах» фашистских профсоюзов. Циркуляры эти было предписано расклеивать на заводах.

Все шло, как нельзя лучше, ...первые три недели.

Но вот получается знаменитый отныне циркуляр № 4. Он выдержан в тоне всех предыдущих. Но ко всеобщему изумлению он с странной откровенностью разоблачает проехи социального законодательства и пороки администрации. Он призывает заводские комитеты приступить немедленно к обсуждению впрое об увеличении зарплаты и созывать на этот предмет общезаводские собрания...

Всполнжившиеся руководители фашистских синдикатов бросаются в полицию. Это подлог, кричат они, это выходка «нелегальных»! Где-же это слыхано, чтобы добрые фашистские профсоюзники задумали требовать увеличения зарплаты?! И они требуют публичного опровержения. Но полиция жметесь: можно-ли громко заявить, что правительственные союзы противятся поднятию существующей ныне жалкой зарплаты? Нужно-ли таким образом не только констатировать, но еще удвоить триумф социалистов?

В конце концов официально решено было обойти весь эпизод молчанием. Подложный циркуляр остался висеть на стенах фабрик. Рабочие помирали со смеху. А фашистские профсоюзы решили печатание и рассылку циркуляров прекратить.

**

Но членам заводских комитетов было указано, что они должны не доверять никакой даже официальной по видимости информации: «настоящие» сообщения будут отныне доставляться им прямо на дом. Но и тут не обошлось без бед!

Некоторое время спустя в Австрии произошла реорганизация министерства, означавшая, как известно, некоторое сведение счетов между фашистами и клерикалами. Через несколько дней члены заводских комитетов, фашистские долж-

ностные лица и т. д. получили по почте листок, украшенный знаком «Патриотического Фронта» и явно исходящий от организаций христианских рабочих. Во имя христианства листок метал грома и молнии против фашизма...

На сей раз власти решили вмешаться. Опубликованное во всех газетах официальное сообщение разоблачало новый маневр социалистов. По всему городу была расклеена афиша, предостерегавшая население против подобных выходов и призывавшая его содействовать их пресечению, т. е. доносить. Прохожие с изумлением видели на всех улицах прокламацию, в которой, прежде всего, бросалось в глаза напечатанное крупнейшим шрифтом слово «нелегальное». Лучшей рекламы нельзя было и желать: из рук в руки передавался нелегальный листок, из уст в уста пересказывалось его содержание.

Но — чего не бывает между интриганам! Многие фашисты и по-сейчас уверены, что дело не обошлось без шуточек их дорогих клерикальных союзников, которые-де сами написали листок, а потом укрылись за спину социалистов!

Немало такого рода забавных эпизодов можно было бы еще рассказать.

Вот, напр., письмо префекта венской полиции. Оно снабжено официальной печатью и подписью-факсимиле. В нем префект объясняет, что полиция не имела времени арестовать таких-то уголовных, так как была целиком поглощена арестами социалистов. Все смеются...

Князь Штаргемберг произнес в Леобене речь, в которой заявил, что Австрия станет «самым социальным государством». Несколько дней спустя выходит специальный номер официального органа Хеймверов (ополчения, возглавляемого Штаргембергом), дающий якобы полный текст этой замечательной речи. Новое изумление и новые опровержения в газетах: это опять искусный «подлог» социалистов!

Социалисты осмелели до того, что подделали даже информационный бюллетень, предназначенный лишь для самых доверенных лиц Патриотического Фронта, и дали в нем все сведения и инструкции, касающиеся реставрации Габсбургов. Этот эпизод вызвал смущенное опровержение «слухов», которые «были недавно напечатаны».

Дело дошло до того, что, получая какое-либо «официальное» сообщение, никто в Австрии уже не уверен, не попадет ли он снова на удочку «нелегалов». И когда недавно в Граце правительственный профсоюз стал раздавать на улицах листки с речью министра социального обеспечения, полиция арестовала раздатчиков, заподозрив новый «маневр» социалистов.

Все это возможно потому, что шаткий австрийский режим, не уверенный сам в своей прочности и раздраемый внутренними противоречиями, не имеет сил, чтобы справиться с вызываемой им оппозицией. Это диктатура, погрязшая в позоре и стыде, представляет собою вместе с тем и смешное зрелище.

Подпольщик.

ПО РОССИИ

ЛЕНИНГРАД. — Оживление коопозиции. — Недовольство рабочей политикой.

Снова распространились слухи о каком-то шевелении среди оппозиционных коммунистических элементов. Слухи смутные и неопределенные. Заслуживает доверия слух, что некоторые иностранные коммунисты из компартии считают, что уступки по принципиальным вопросам во Франции слишком велики. Они считают, что по ряду важнейших интернациональных вопросов вообще отсутствует достаточная ясность. В связи с этими настроениями усилилось тяготение к слиянию различных оппозиционных группировок, идет сговор на общей программе по рабочему вопросу.

УКРАИНА. — Повышение норм выработки. — Сильное ухудшение положения служащих.

Вопросы политики заработной платы рабочих надо считать для ближайшего периода достаточно выясненными. Прогрессивно-сдельная система зарплаты на базе повышенных (на 20-30% в среднем) норм для всех отраслей хозяйства и почти для всех категорий рабочих. Характерно, что профсоюзы отстранены от участия при решении этих вопросов. В их компетенции на ближайшее время милостиво оставлены «вопросы культурно-бытового обслуживания рабочих».

С зарплатой служащих — полная неразбериха. Ожидавшееся с начала нового года резкое снижение цен оказалось лишь

мечтой. Существующие же цены, несколько пониженные против прошлого года, при ликвидации распределителей, столовых и прочих скрытых дотаций к зарплате, значительно понизили жизненный уровень среднего служащего. Это настолько очевидная истина, что об этом открыто говорят даже в публичных собраниях. Рассчитывать на быстрое снижение цен в условиях усиленного хозрасчета нельзя и поэтому, видимо, намечается единственный путь — увеличение заработной платы. Несмотря на то что с точки зрения укрепления рубля это является наименее желательным выходом из положения, правительство все же вынуждено будет это сделать. Иначе создавшийся серьезный разрыв в зарплате рабочих служащих, помимо последствий кадрового порядка, угрожает накоплением серьезного недовольства среди влиятельного слоя населения.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 4/2, 20/2.

Отослано: № № 3, 4.

Поступили в продажу в конторе «Соц. Вестника»

НОВЫЕ БРОШЮРЫ :

L'Internationale et la Guerre

Thèses de Otto Bauer, Théodore Dan, Amédée Dunant et Jean Zyromski

préfacées par Fr. Adler et suivies d'une lettre de H. N. Brailsford

Sté d'Editions "Nouveau Prométhée"

Paris 1935. Prix : frs 1.50

Die Internationale und der Krieg

Von Otto Bauer, Theodor Dan und Jean Zyromski

mit einem Vorwort von Friedrich Adler und einer Erklarung von H. N. Brailsford

Wien 1935. Preis : frs 1.50

В ПАРИЖЕ

Отдельные №№ «Соц. Вестника» можно купить в следующих киосках Г А Ш Е Т

- 1) LIBRAIRIE 2, rue de Sèze.
- 2) 12, bd des Capucines.
- 3) 28, bd des Capucines.
- 4) 4, bd de la Madeleine.
- 5) 44, bd des Capucines.
- 6) 11, bd des Capucines.
- 7) 56, av. des Champs-Élysées.
- 8) 150, av. des Champs-Élysées.
- 9) Pl. de l'Étoile (côté Friedland).
- 10) Pl. de l'Étoile (côté Wagram).
- 11) 2, bd des Italiens.
- 12) 36, bd des Italiens.
- 13) 2, bd des Capucines.
- 14) 2, bd Montmartre.
- 15) 20, bd Montmartre.
- 16) 8, bd Bonne-Nouvelle.
- 17) 15, pl. de la République.
- 18) 3, pl. Saint-Michel.
- 19) 7, bd Saint-Michel.
- 20) 47, bd Saint-Michel.
- 21) 63, bd Saint-Michel.
- 22) BOURRELIER, 101, bd Montparnasse.
- 23) HACHETTE, av. des Champs-Élysées.
- 24) Pl. Pigalle.
- 25) 1, av. Victor-Hugo.

Кромѣ того отдельные №№ продаются в конторе журналов (от 10 до 12 ч.) и в крупн. русск. книжн. магазинах Парижа